

— Я никому не стану вредить, и уж тем более не причиню зла Юньси. Разве вы уже не убедились в этом? Или вы думаете, что я веду себя прилично только потому, что боюсь, что вы забудете обо мне, когда будете составлять завещание?

Чжоу Цзыцянь дрожа рассмеялся. Ему казались невероятно смешными его отец и вся его семья. Даже если в богатых и знатных домах люди холодны и расчетливы, полны скрытых намерений и интриг, ни одна семья не была настолько шумной и одновременно одинокой, как их. Все они находились на грани краха, но никто даже не пытался задуматься о своих ошибках. Каждый только и делал, что строил козни или подозревал других. Все были ослеплены деньгами, все готовы были ради них идти на смерть. Все это было до смешного отвратительно!

— Негодяй! Ты слышишь, что ты говоришь?!

Чжоу-старший, никогда не сталкивавшийся с таким неповиновением, пришел в ярость. Он схватил тяжелый пресс-папье из красного дерева и швырнул его в сына.

Пресс-папье с грохотом ударило Чжоу Цзыцяня в лоб. Старик не пощадил сил, и кровь тут же хлынула из раны. Тонкая струйка крови затуманила зрение, окрашивая все в багровый цвет, но Чжоу Цзыцянь, прижимая рану, продолжал сдержанно хихикать.

В этот момент дверь кабинета распахнулась, и оба мужчины повернулись к звуку. В комнату быстро вошел Е Тао. В кратковременном помутнении сознания Чжоу Цзыцянь наблюдал, как Е Тао, слегка растерявшись, достал платок и начал останавливать кровь. Чжоу Цзыцянь рассмеялся еще громче. Он довел отца до бешенства, сам разбил себе голову, но продолжал смеяться. Смешными были не члены семьи Чжоу, а то, что в ней не было настоящих людей — только демоны, прикрывающиеся человеческой кожей. И самым коварным и отвратительным из них был он сам, Чжоу Цзыцянь!

— Уходи, я не буду тебя удерживать, — сказал Чжоу Цзыцянь, когда они вернулись, человеку, который перевязывал его рану. — Семья Чжоу слишком грязна. Те, кто не может плыть по течению, имеют только два выхода: либо уйти, либо умереть. Юньси уже погиб, и я не хочу, чтобы ты стал следующим.

Е Тао на мгновение замер, а затем еще более осторожно продолжил перевязку. Он хотел что-то сделать для этого человека, но он не был ни сверхчеловеком, ни святым. Он не мог погрузиться в эту грязь, поэтому выбрал путь самосохранения.

Перед отъездом Чжоу Цзыцянь еще раз поговорил с отцом, но на этот раз без прежнего напряжения. Ранее Чжоу-старший был настолько разгневан, что у него начались проблемы с сердцем и сном, и теперь даже взгляд на сына вызывал у него раздражение. Голова Чжоу Цзыцяня была перевязана бинтами, и он тоже выглядел уставшим, с легкой тенью под глазами. Поскольку оба мужчины были измотаны, атмосфера разговора была скорее подавленной, чем напряженной.

— Я вырастил его, и я люблю его больше, чем кто-либо другой. Но он вырос и больше не хочет, чтобы его все время контролировали, лишая свободы. Кроме того, он стал более рассудительным, научился думать о других и не хочет быть для меня обузой. По-моему, настало время отпустить его. Не волнуйтесь, если его крылья окажутся слишком слабыми, чтобы взлететь, или если он упадет, я подхватю его и верну обратно.

Чжоу-старший задумался на мгновение, слегка нахмурившись, и махнул рукой, чтобы Чжоу Цзыцянь вышел. Этот непреклонный старик в конце концов согласился, но не потому, что уступил своему сыну, а потому, что это решение было взвешенным и обдуманым.

После Нового года выпал сильный снег, и крупные хлопья покрыли всю столицу белым покрывалом. Сяо Чэн, держа зонт, вошел во внутренний двор и начал стряхивать снег с обуви под навесом.

Баобао, стоя на пороге, наблюдал за ним, его нос уже замерз от холодного ветра. Он шмыгнул носом и чихнул.

Сяо Чэн наклонился, поднял маленького черного кота и спрятал его в своем пуховике, тихо сказав:

— Тебя снова выгнал второй молодой хозяин?

Баобао жалобно мяукнул, уютно устроившись в объятиях Сяо Чэна, его вид был воплощением уныния.

Сяо Чэн еще тише продолжил:

— Завтра молодой господин переезжает, и второй молодой хозяин в плохом настроении. Кто знает, когда он сорвется и выплеснет на нас свой гнев. Лучше держись подальше от него, понял?

Баобао, уже опечаленный тем, что Е Тао уезжает, чуть не заплакал. Он уткнулся мордочкой в грудь Сяо Чэна, украдкой смахивая слезы.

Сяо Чэн, держа Баобао, подошел к двери Е Тао и осторожно сказал:

— Второй молодой хозяин, Ци Хэ только что звонил и сказал, что все вещи, отправленные вчера, уже уложены. Когда перевозить оставшееся?

— Перевозите сейчас, даже если с неба будет падать ножи, — раздался голос Чжоу Цзыцяня из комнаты. Его голос был тихим, но почему-то вызывал дрожь.

— Я сразу же скажу им, чтобы сегодня ничего не перевозили, — поспешно ответил Сяо Чэн, бросившись прочь и забыв даже взять зонт.

Человек, который не выглядел зловещим, но заставлял десятки людей ходить по краю пропасти, перевязывал рану в комнате.

— Накладывать еще? Рана уже зажила, — Е Тао одной рукой держал только что снятую повязку, а другой осторожно прикоснулся к зажившей ране. — Шрама не останется.

— Пусть остается, их у меня и так много, — Чжоу Цзыцянь пренебрежительно махнул рукой, затем усмехнулся. — В крайнем случае, набью татуировку лотоса.

Е Тао выбросил повязку в мусорное ведро и повернулся, чтобы убрать аптечку. Как постороннему, ему не следовало вмешиваться в дела семьи Чжоу, и он не мог сказать, кто прав, а кто виноват. Он хотел посоветовать этому человеку смотреть на вещи проще и не мучить себя. Но слова застряли у него в горле. Он уезжал, и теперь эти слова, даже если они были искренними, казались пустыми и лицемерными.

За окном снова слышался хруст снега. Звук доносился в почти пустую комнату, усиливая и без того тяжелое настроение.

— Все, убирайтесь отсюда!

Чжоу Цзыцянь не выдержал и пнул стоявший перед ним табурет, а затем, словно этого было недостаточно, схватил стакан и швырнул его в окно. Стекло разбилось, и холодный ветер с мелкими снежинками ворвался в комнату.

Е Тао обернулся на шум. На лице Чжоу Цзыцяня читалась тревога, как у льва, пойманного в капкан. Он яростно кусал свою раненую ногу, пытаясь освободиться. Если он не освободится, боль будет только усиливаться, но если он вырвется, то ранит других. Он не убежит с раной, боль только сделает его более агрессивным, и он набросится на того, кто причинил ему страдания.

Лев не нуждается в жалости, и Е Тао не жалел его. Он лишь чувствовал боль, потому что, даже если это лев, он был тем, кого он любил. Видя его страдания, он сам страдал.

Из-за эмоций грудь Чжоу Цзыцяня сильно вздымалась, его тяжелое дыхание напоминало рычание зверя. Даже если бы в этот момент вошел спокойный дядюшка Чжоу, он бы испугался, увидев его в таком состоянии.

— Давай выйдем прогуляться. Куда ты хочешь пойти? Я пойду с тобой, — Е Тао погладил его по спине, его голос был мягким и успокаивающим, как будто он утешал капризного ребенка, а не агрессивного мужчину.

Тревога и ярость бушевали в груди Чжоу Цзыцяня. Он уставился на вещи, сложенные в углу, и услышал злобный голос, который шептал: «То, что не твое, никогда не станет твоим. Ты ничего не получишь, не потому что не можешь, а потому что не достоин».

Чжоу Цзыцянь больше не хотел думать о том, может он или нет, достоин или нет. Но он точно знал, что, отпустив Е Тао, он отрезал себе последнюю веревку, с помощью которой мог выбраться из грязной и темной бездны.

Есть такое чувство, будто я тянула триста тысяч слов, чтобы наконец добраться до сути. Триста тысяч слов... экспозиции? Ладно, не буду говорить, сначала поклонюсь самой себе.

Хотя в этом чувстве не было ни доброго начала, ни хорошего конца, если посмотреть с другой стороны, они ведь провели это время вместе, и в нем были теплые и прекрасные моменты. Е Тао считает, что этого достаточно, не нужно никого винить и слишком уж сожалеть. В жизни не все складывается так, как хочется, и не все заканчивается счастливо. Если заикнуться на несовершенстве и постоянно злиться, то в жизни не будет покоя.

Е Тао так утешал себя и так же утешал Чжоу Цзыцяня. Чжоу Цзыцянь понимал, что Е Тао хочет, чтобы он смотрел на вещи проще и не винил себя за то, что неизбежный конец наступил раньше. Но Е Тао был Е Тао, а Чжоу Цзыцянь — Чжоу Цзыцянь. Если бы он мог быть таким же мудрым и спокойным, как Е Тао, он бы не оказался в таком положении.